

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Спалек Оксана Николаевна

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
(НА ФОНЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета

МГУ имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: **Ананьева Наталия Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Толстая Светлана Михайловна**, доктор филологических наук, академик РАН, Институт славяноведения РАН, заведующая отделом этнолингвистики и фольклора

Ковалев Геннадий Филиппович, доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет, заведующий кафедрой славянской филологии филологического факультета

Банкова Людмила Львовна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, доцент кафедры восточных и европейских языков факультета дополнительного образования для иностранных граждан

Защита диссертации состоится «25» декабря 2019 г. в 14:30 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.01 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: slavlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/247278090/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
д.ф.н., доцент

О. В. Дедова

Фразеология и объект ее исследования – фразеологические единицы (ФЕ) – играют особую роль в сохранении культурной памяти языкового сообщества, а также в формировании культурно-специфической модели мышления, поведения и коллективной культурно-языковой идентичности. Наряду с фразеологией тесной связью с жизнью языкового коллектива отличается ономастика – наука об именах собственных (ИС).

Изучением ИС, их специфики и функций занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты. Предметом исследования становился характер и природа значения ИС (Н.Ф. Алефиренко, Е.М. Галкина-Федорук, В.А. Никонов, Е.С. Отин, А.А. Реформатский, М.Э. Рут, А.А. Уфимцева, П.А. Флоренский и др.), региональная ономастика, топонимия и гидронимия (Р.А. Агеева, Е.Л. Березович, Т.Н. Дмитриева, Г.Ф. Ковалев, А.К. Матвеев, С.А. Попов, В.И. Супрун и др.). Большое внимание уделялось функционированию ИС в художественной речи (В.Д. Беленькая, Ю.А. Карпенко, Н.А. Колмакова, О.И. Фоякова и др.). ИС рассматривались в контексте лингвострановедческой теории слова (Е.Н. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин и др.) и теории вертикального контекста (О.С. Ахманова). Предпринимались также попытки рассмотреть особенности функционирования ИС в рамках ФЕ на материале одного или нескольких родственных и близкородственных языков (В.Д. Бояркин, Г.З. Дарзаманова, Д.И. Ермолович, З.Р. Загирова, Я. Лагинович, Г.П. Манушкина, О.А. Сосой, Т. Шутковски).

В нашем исследовании изучаются особенности функционирования топонимов и этнонимов в составе польских фразеологизмов на фоне соответствующего китайского материала.

Актуальность данной работы обусловлена большим вниманием в лингвистике к фразеологии, неразрывно связанной с фоновыми знаниями носителей языка, культурой, историей и традициями народа. В исследовании топонимы и этнонимы в составе польских и китайских ФЕ подвергаются многоаспектному анализу. Научный интерес представляет установление роли топонимов и этнонимов в формировании значения фразеологизма.

Теоретической основой работы послужили исследования, разработанные в различных областях языкознания:

- в общей теории ономастики: В.Д. Беленькой, В.Д. Бондалетова, Н.В. Васильевой, Е.М. Верещагина, М.В. Горбаневского, Е. Гродзиньского, В.В. Денисовой, В.Г. Костомарова, М.В. Крюкова, Е. Куриловича, Ли Инъина, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, А.В. Суперанской;

- в теории фразеологии: Л.Ю.Буяновой, П.П. Ветрова, В.В. Виноградова, В.П. Жукова, Е.К. Коваленко, А.В. Кунина, А.-М. Левицкого, Ма Гофаня, В.М. Мокиенко, С. Скорупки, В.Н. Телии, В. Хлебды;

- в теории лингвокультурологии: Е. Бартминьского, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагиной, Т.В. Лиховидовой, В.А. Масловой, С.Г. Тер-Минасовой.

Объектом исследования являются польские фразеологизмы с топонимическими и этнонимическими компонентами, анализируемые на фоне соответствующих единиц китайского языка.

Предмет изучения составляют особенности функционирования топонимов и этнонимов в составе фразеологических единиц польского языка на фоне соответствующего материала китайского языка.

Материалом для анализа послужили разнообразны польские (1397 ФЕ) и китайские (557 ФЕ) фразеологизмы, содержащие топонимы и этнонимы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей пословиц и поговорок С. Адальберга „Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich” (1888-1894) и Ю. Кшижановского „Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich” (1969-1978), а также современных польских и китайских фразеологических словарей. В ходе исследования привлекались результаты социологических опросов, проведенных крупнейшими польскими информационными изданиями и общественными организациями, а также использовались данные интернет-источников.

Целью данного диссертационного исследования является многоаспектное изучение состава и функционирования топонимов и этнонимов в польской фразеологии на фоне соответствующего материала китайского языка, а также семантики фразеологизмов с топонимическими и этнонимическими компонентами. Достижение поставленной цели предполагает решение определенных **задач**:

- 1) подробная классификация топонимов и этнонимов в составе ФЕ;
- 2) структурно-семантическая классификация ФЕ, содержащих топонимы и этнонимы;
- 3) определение способов фразеологизации топонимического и этнонимического компонента в составе ФЕ;
- 4) определение особенностей функционирования различных классов топонимов и этнонимов в рамках ФЕ;
- 5) определение роли ФЕ, содержащих топонимы и этнонимы, как средства выражения языковой картины мира.

В ходе исследования мы использовали ряд **методов**:

- метод синхронного описания;
- метод семантического анализа;
- метод функциональной характеристики собранного материала;
- сопоставительный – в целях установления общих и отличных черт в функционировании топонимов и этнонимов в польских и китайских фразеологизмах;
- элементы статистического и этимологического анализа.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые проводится многоаспектный анализ функционирования топонимов и этнонимов во фразеологии польского языка и их роли в формировании значения фразеологизма путем актуализации коннотативного содержания этих онимов.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что изучение особенностей функционирования топонимов и этнонимов в составе фразеологических единиц вносит вклад в дальнейшую разработку лингвокультурологического аспекта фразеологии. Полученные результаты могут быть применены в работах по фразеологии, ономастике и социолингвистике.

Практическая значимость работы заключается в возможности применить результаты данного исследования в спецкурсах по ономастике и фразеологии. Результаты диссертационной работы также могут быть использованы в разработке двуязычного фразеологического словаря.

На защиту выносятся основные положения исследования:

1) топоним как компонент ФЕ не только выполняет номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую функции, свойственные онимам, но и способен выразить коннотативное содержание;

2) топонимы и этнонимы участвуют в формировании значения ФЕ;

3) будучи своеобразными носителями информации об определенных географических объектах и народах, топонимы и этнонимы как компоненты ФЕ обладают спецификой с лингвокультурологической точки зрения;

4) топонимы и этнонимы представляют собой центральные элементы ФЕ, отражающие национальные стереотипы;

5) топонимы в составе ФЕ могут отличаться нехарактерными для них как класса ИС грамматическими, стилистическими, лексическими и синтаксическими свойствами.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, а также прошли апробацию в докладах на

международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» (Москва, 2013), на международной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2013), на международной научной конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, 2013), на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» (Москва, 2014), на молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры "Славянский мир: общность и многообразие" (Москва, 2014), на молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры "Славянский мир: общность и многообразие" (Москва, 2017), на XIII международной научно-практической конференции «Российская наука в современном мире» (Москва, 2017) и на международной конференции «Славянский мир: язык, литература, культура» (Москва 2018).

По теме диссертации опубликовано 16 работ (общим объемом 4,4 п.л.), в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова: «Litera» (2018, №1, №4), «Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал» (2019, №3), «Litera» (2019, №6).

Структура диссертации соответствует логике проводимого исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список справочной литературы и приложение.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, ставятся цели и задачи, определяется языковой материал, теоретическая и практическая значимость, а также методы исследования; формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе, посвященной ИС как особой именной категории, определяется место ИС в системе языка, устанавливаются общие черты и различия ИС и ИН, рассматривается своеобразие значения ИС, предлагается классификация топонимов.

Вторая глава посвящена топонимам и этнонимам – компонентам ФЕ, определению особенностей их функционирования в рамках фразеологизмов и установлению их роли в формировании значения ФЕ. Проводится многоаспектная классификация польских и китайских топонимов, содержащихся в собранном материале. Наконец, предлагается рассмотреть топонимические и этнонимические ФЕ как средства выражения национальных стереотипных представлений.

В третьей главе исследуются семантические особенности, источники происхождения, а также моделируемость и вариативность польских ФЕ с топонимическими и этнонимическими компонентами на фоне соответствующего китайского материала.

В заключении приводятся выводы диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований в данной научной области.

Список использованной научной литературы состоит из 202 единиц, **список источников** включает 35 наименований.

В Приложении представлен список топонимов, функционирующих во фразеологизмах польского и китайского языков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Имя собственное как особая именная категория» посвящена установлению объема, основных признаков и свойств ИС, обосновываются главные теоретические положения, на которых базируется настоящая работа.

В первом параграфе «Место ИС в системе языка» определяется положение онимов в языковой системе.

К первичным функциям ИС относятся номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая. Вслед за рядом исследователей (В.Д. Бондарев, М.В. Горбаневский, В.В. Денисова, А.В. Суперанская) мы также выделяем некоторые второстепенные языковые функции ИС: экспрессивную, стилистическую и аккумулятивную, поскольку каждый топоним несет в себе разнообразную информацию: историческую, географическую и лингвистическую. Будучи своеобразным "хронологизатором", топонимика представляет бесценный материал для понимания истории, культуры и психологии представителей определенного языкового сообщества. Благодаря ономастическим исследованиям становится возможным не просто проследить путь возникновения ИС, но и выяснить процесс его функционирования, места расселения народов, обнаружить языковые и культурные контакты и их время, реконструировать более древнее состояние языка. В свою очередь само ономастическое пространство не остается неизменным, напротив, оно меняется от языка к языку, от народа к народу.

В параграфе 1.2. «Значение ИС» мы подробно останавливаемся на проблеме определения значения онимов, которая на протяжении многих лет является одной из главных в ономастике. Исследователи придерживаются разных точек зрения по этому вопросу. Так, одни утверждают, что ИС лишены лексического значения и способны выполнять только номинативную функцию; они не

выражают понятия, поскольку, в отличие от имен нарицательных (ИН), не обозначают признаков предметов; не обладают свойствами обобщения, что, в свою очередь, предопределяет отсутствие у них лексического значения (О.С. Ахманова, Б. Брэндаль, Л.А. Булаховский, Б. Рассел, Дж.Ст. Милль, М.В. Никитин, А.А. Реформатский, К. Тогебю).

В то же время другие лингвисты настаивают на том, что ИС обладают значением и рассматривают онимы как семную структуру (И.В. Арнольд, Е.В. Иванцова, К.М. Ирисханова, Ю.П. Солодуб, Л.Г. Шеремет).

С нашей точки зрения, значение ИС действительно обладает сложным многокомпонентным характером. Будучи тесно связанным с обозначаемым объектом, оним может нести в себе дополнительные значения, связанные с характеристикой объекта, идеологией и эмоциональной окрашенностью имени. При этом реализоваться такие коннотации могут в речи, где номинативно-референтное значение, основанное на соотношении с индивидуальным, единичным, определенным референтом играет важную роль. Наличие дополнительных коннотаций способствует развитию у ИС дополнительного значения на основе экстралингвистических свойств и создает возможность переноса индивидуального наименования на другой объект. Обязательным условием подобной индивидуализации является известность объекта среди говорящих.

В параграфе 1.3. «ИС и ИН: общие черты и различия» рассматриваются общие и отличительные черты онимов и нарицательных существительных. Вопрос о различии ИС и ИН остается дискуссионным в лингвистике. Существует две точки зрения. Согласно первой, субстантивная лексика любого языка распадается на два противоположных класса: ИН и ИС – никаких промежуточных явлений между разрядами не существует (Ю.А. Карпенко). Согласно второй точке зрения, между ИС и ИН невозможно провести четкую границу (В.И. Болотов, Л.А. Булаховский, М.В. Горбаневский, В.А. Никонов, А.В. Суперанская и др.). Вместе с тем, неоспоримым остается тот факт, что ИС и ИН являются двумя различными категориями и во всей совокупности своих признаков представляют самостоятельные сферы со свойственными им закономерностями.

ИС характеризуются следующим набором отличительных черт и функций: 1) денотатом ИС всегда является индивидуальный объект; 2) объем денотативного значения у ИС всегда меньше, чем у ИН, – он равен единице или стремится к ней, в то время как за ИН стоит класс или ряд однородных предметов; 3) номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая – основные функции ИС, в то время как ИН выполняют прежде всего семасиологическую функцию; 4) поскольку почти все ИС происходят в конечном результате от ИН, семантика их вторична и более

сложна; 5) своеобразие значения ИС, обусловленное его индивидуальной знаковой закрепленностью за номинируемым объектом, объясняет отсутствие у ИС в языковой системе антонимов и синонимов; омонимия ИС также реализуется не так, как у ИН: если омонимы-ИН обозначают разные понятия, то омонимы-ИС – разные десигнаты; 6) для ИС характерен ряд грамматических особенностей: неполнота парадигмы (ИС обычно являются либо *singularia tantum*, либо *pluralia tantum*), невозможность употребления большинства ИС с артиклем.

Несмотря на своеобразие двух категорий, можно выделить ряд общих для ИН и ИС признаков: 1) ИС и ИН выполняют номинативную функцию; 2) характеризуют слово как принадлежащее определенному этносу и его языку; 3) способны реализовать коннотативно-экспрессивную функцию; 4) словообразовательным процессам ИС и ИН свойственны общие черты; 5) ИС в определенной степени присуща и классифицирующая номинация: называя определенный предмет объективной действительности, ИС одновременно относят его к классу подобных (например, к классу топонимов, антропонимов и т.д.).

В параграфе 1.4. «Апеллятивация онимов» рассматриваются особенности процесса перехода ИС в класс ИН. Исследователи указывают на то, что процессу апеллятивации предшествует обретение ИС специфической понятийности, ИС должно обладать способностью коннотировать, чтобы впоследствии распространить отличительные признаки денотата на другие объекты (Е.С. Отин, А.В. Суперанская, Л.М. Щетинин). Наличие однотипных представлений о коннотациях ИС у всех членов языкового коллектива является необходимым условием его апеллятивации. В процессе апеллятивации в семантической структуре слова происходит актуализация коннотативных компонентов. Ассоциации, которые лежат в основе переноса, могут быть связаны с рядом качеств носителя имени или социальных, природных, географических и др. свойств референта. К самым распространенным механизмам апеллятивации относятся сравнения, метафора и метонимия.

Процесс апеллятивации может быть как полным, так и частичным, контекстуальным. О полном переходе ИС в ИН, по мнению исследователей (Е.С. Отин, А.В. Суперанская), свидетельствует окончательный разрыв первоначальных связей и превращение исходного ИС и ИН в омонимы, а также деактуализация или забвение денотата, на который ориентировалось первичное значение ИС. В случае контекстуального перехода ИС в ИН сигнификативной становится наиболее яркая черта денотата, называемого данным ИС, при этом все частные характеристики объекта уходят на второй план. Именно контекстуальная апеллятивация свойственна топонимам в составе фразеологизмов.

В параграфе 1.5. «Классификация топонимов» предлагается предметно-номинативная классификация (основой для которой послужила классификация Н.В. Подольской¹), позволяющая свести все многообразие содержащихся во фразеологии географических объектов к относительно небольшому числу типов. В зависимости от характера и размеров референта мы выделяем: 1) *гидронимы* – названия водных объектов, среди которых мы различаем: *океанонимы* (названия океанов), *пелагонимы* (названия морей), *потамонимы* (названия рек), *лимнонимы* (названия озер); 2) *инсулонимы* – названия островов; 3) *оронимы* – названия возвышенных объектов сухопутной поверхности земли; 4) *названия материков и континентов*; 5) *названия пустынь*; 6) *названия долин*; 7) *ойконимы* – названия населенных мест, среди которых выделяются *хоронимы* (названия стран, царств, провинций и регионов), *астионимы* (названия объектов городского типа, уездов, застав), *комонимы* (название объектов сельского типа, усадеб); 8) *урбанонимы* – названия внутригородских объектов, среди которых в исследуемом материале содержатся: *названия районов, годонимы* (названия улиц и площадей), *названия городских ворот, некронимы* (названия кладбищ), *названия психиатрических больниц, названия тюрем, названия учебных заведений*, 9) *названия дворцов, замков, храмов, крупных сооружений*.

В зависимости от местонахождения реальных референтов, номинируемых топонимом, мы выделяем топонимы, обозначающие *отечественные* и *зарубежные* объекты. Кроме того, выделяются *библейские* и *мифологические* топонимы (встречающиеся в Библии и мифах), а также топонимы, номинирующие *несуществующие* объекты (с нулевым, отсутствующим в действительности референтом).

Параграф 1.6. посвящен этнонимам. Объем понятия этноним отличается в работах разных исследователей. Вслед за В.А. Никоновым к общему классу этнонимов мы предлагаем относить наименования этносов, народностей, национальностей и жителей определенных территорий.

Включение этнонимов в ономастическое пространство остается дискуссионным вопросом. С одной стороны, этнонимы, объединяя группы лиц по этническому признаку, обладают свойствами имен нарицательных. С другой, для них характерна индивидуализация, свойственная ИС: они индивидуализируют не единичные объекты, а определенную совокупность людей – нацию, этническую группу, отличающуюся от других рядом специфических характеристик. Кроме того, этнонимы тесно связаны с топонимами, что обуславливает их особое место в языке.

Во второй главе «Топонимы и этнонимы как компоненты ФЕ» проводится классификация и анализ состава топонимов и этнонимов, содержащихся в польских ФЕ на фоне китайского

¹ Подольская. Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

материала, определяется роль топонимических и этнонимических компонентов в формировании значения фразеологизма.

Параграф 2.1. называется «Состав топонимов и этнонимов, функционирующих в составе ФЕ». В ходе исследования было собрано 1397 польских ФЕ, содержащих 454 топонима и этнонима, и 557 китайских ФЕ, содержащих в своем составе 147 топонимов и этнонимов. Было установлено, что во фразеологии польского и китайского языков классы онимов представлены в разном объеме, что обусловлено определенными географическими, историческими и культурными особенностями Польши и Китая (примеры польских и китайских ФЕ, содержащих в своем составе топонимы и этнонимы, см. в *Таблице 1*). Среди топонимов в польских ФЕ самым многочисленным является класс ойконимов (612 ФЕ, 44%), представленный астионимами (302 ФЕ, 22%), комонимами (185 ФЕ, 13%) и хоронимами (84 ФЕ, 6%). Ойконимы чаще, чем другие классы топонимов, выступают и в составе китайских фразеологизмов (262 ФЕ, 47%). В отличие от польского материала, бóльшую часть ойконимов, содержащихся в китайских ФЕ, составляют хоронимы (109 ФЕ, 20%; 48 наименований), что объясняется особенностями исторического развития Китая, постоянной борьбой за власть, сопровождающейся активными военными действиями, сменой правящих династий, образованием и распадом царств. Спецификой китайского материала также является большее по сравнению с польским языком разнообразие подклассов ойконимов (названия провинций (31 ФЕ), областей (10 ФЕ), княжеств (7 ФЕ), уездов (6 ФЕ), застав (4 ФЕ), переправ (2 ФЕ)), что объясняется особенностями исторического и современного административно-территориального устройства Китая. Комонимы же, богато представленные в польской фразеологии, в китайском материале почти не отмечены. Зафиксирована лишь одна ФЕ с названием деревни. Вторым по многочисленности классом топонимов в составе польских и китайских ФЕ являются гидронимы: польский материал содержит 44 ФЕ (3%) с гидронимами, китайский – 132 ФЕ (27%) с названиями водных объектов. Собранные на материале двух языков единицы представлены различными группами, самая многочисленная из которых – потамонимы. В польском языке насчитывается 42 ФЕ с 11 топонимами – названиями рек; в китайском – 98 ФЕ с потамонимами (16 наименований). Большое количество наименований рек во фразеологии обоих языков объясняется не только особенностью природы и географического расположения двух стран, но и важной ролью рек в истории, культуре и представлениях польского и китайского народов. Центральное место во фразеологии польского языка занимает *Висла* (22 ФЕ), в то время как самыми частотными потамонимами в китайском материале являются *Хуанхэ* (48 ФЕ) и *Янцзы* (26 ФЕ).

В польских фразеологизмах отмечены три единицы (0,2%), содержащие другие классы гидронимов: океаноним *Atlantyka*, пелагоним *Baltyk* и лимноним *Łuksza*. Столь небольшое количество ИС коррелирует с относительно редким употреблением существительных *озеро*, *море*, *океан* и образованных от них прилагательных во фразеологии польского языка. В то же время китайский материал представлен большой группой ФЕ, содержащих в своем составе отличные от потамонимов группы гидронимов. Так, во ФЕ встречаются лимнонимы (21 ФЕ, 4%, и 6 наименований), пелагонимы (9 ФЕ, 2%, и 2 наименования), океаноним (6 ФЕ, 1%, и 1 наименование), названия водных каналов (2 ФЕ, 0,4%). Многочисленность китайских ФЕ, содержащих редкие для польской фразеологии лимнонимы, потамонимы и океанонимы, связана и с географическими особенностями Китая – в стране большое количество озер, есть выход к нескольким морям, к Тихому океану – и с литературным характером источников происхождения ФЕ.

Собранный польский материал представлен большим количеством урбанонимов (43 ФЕ, 3%), среди которых наиболее многочисленны топонимы. Особо стоит отметить названия варшавских улиц, которые отражают историческую и культурную самобытность польской столицы. В исследованных нами китайских источниках было зафиксировано лишь одно название улицы, а также одно название площади и одно название района.

К особенностям польского материала относится употребление некронимов в рамках ФЕ. Отсутствие названий кладбищ в китайской фразеологии, возможно, связано с тем, что в Китае не было кладбищ в том виде, в каком они существуют в Европе. Простолюдина хоронили прямо в поле, там же, где он и работал. Богатые же семьи покупали небольшой клочок земли под родовое кладбище. В собранном польском материале представлены также неофициальные названия городских учреждений: тюрем, больниц для душевнобольных. Данные онимы отсутствуют в китайских ФЕ.

В польских фразеологизмах распространены оронимы (24 ФЕ, 2%, 8 наименований), причем в составе фразеологизмов встречаются как названия горных цепей, так и названия отдельных гор и возвышенностей. Оронимы – третий по многочисленности после ойконимов и гидронимов класс топонимов, содержащихся в составе китайских ФЕ. Однако китайский материал демонстрирует более значительную роль этих онимов во фразеологии (96 ФЕ, 17%, 30 наименований), что обусловлено как особенностями рельефа Китая, большим количеством горных районов на территории страны, так и важным местом гор в традиционной китайской культуре и религии

(буддизм, даосизм): горы часто являются местом паломничества. Центральную роль во фразеологии китайского языка играет гора Тайшань (63 ФЕ, 11%).

Названия крупных сооружений: замков, дворцов, храмов и т.д., встречаются как в польском, так и в китайском материале. В польских фразеологизмах было зафиксировано 8 ФЕ (0,6%), с данными топонимами, в то время как в китайском материале была собрана 41 ФЕ (7%), большая часть которых содержит названия монастырей и храмов, а в 7 ФЕ представлен топоним 长城 (Великая китайская стена) – самое крупное оборонительное сооружение не только в Китае, но и в мире.

В составе польских и китайских фразеологизмов зафиксированы названия частей света и материков, а также пустынь (по 1 ФЕ).

Особенностью польского материала является наличие многочисленных этнонимов, содержащихся в ФЕ (650 ФЕ, 47%). Этнонимы, входящие в состав польских ФЕ, номинируют жителей определенных стран (*Niemiec, Hiszpan, Holender* и др.), областей и регионов (*Mazur, Wielkopolak, Podlasiak* и др.), городов (*Warszawianka, Lublanka* и др.), а также народы (*Żyd*), этнические меньшинства (*Cygan*) и расы (*Murzyn*). При этом выявлены как официальные, так и неофициальные и прозвищные обозначения жителей отдельных регионов. Во ФЕ польского языка может выступать сразу несколько названий одной и той же группы людей (русские – *Moskal, Rusek*; украинец – *Chochlak, Rusin, Kozak, Ukrainiec* и т.д.). В польской фразеологии самый частотный этноним – *Żyd* (227 единиц), распространены также этнонимы, номинирующие самих поляков (112 единиц с этнонимами *Polak*, диал. *Polok* и 15 с этнонимом *Lach*) и народов, с представителями которых поляки проживают бок о бок (*Cygan* – 68 единиц; *Niemiec* – 19; *Rusin, Rusek, Moskal* – 14; *Kozak, Chochlak, Ukrainiec* – 27, *Litwin* – 16 единиц). В то же время малочисленны фразеологизмы с названиями народов, с которыми поляки не имели тесных контактов (*Szwajcar* – 1, *Moldawan* – 1, *Hiszpan* – 2, *Greki* – 1 и т.д.). Китайский материал менее разнообразен и включает всего 7 этнонимических ФЕ (1%), при этом лишь в одной китайской ФЕ упоминаются иностранцы. Малочисленность этнонимов в китайском материале, очевидно, связана с тем, что долго Китай оставался «закрытой» страной и не имел тесных контактов с другими государствами.

Таблица 1

Примеры польских и китайских ФЕ, содержащие этнонимы и различные классы топонимов

наименование класса топонимов /	примеры польских ФЕ	примеры китайских ФЕ

ЭТНОНИМ		
ойконимы		
астионимы	<i>Dla Polaków ojciec Kraków, a Warszawa matka</i> , букв. «для поляков отец – Краков, а Варшава – мать»	长安少年 Cháng ān shào nián, букв. «чанъаньский юноша», так было принято говорить о расточительных и легкомысленных детях богатых городских семей
комонимы	<i>Mędek z Trojanowic</i> , букв. «умник из Трояновиц», т.е. ‘глупый, недалекий человек’. Трояnowice – деревня Трояновицы	高阳酒徒 Gāoyáng jiǔ tú, букв. «гаоянский пьяница», т.е. ‘горький пьяница’
хоронимы	<i>Do Korony po rozum, do Litwy po pieniądze</i> , букв. «в Корону по разум, в Литву за деньгами»	围魏救赵 wéi Wèi jiù Zhào, букв. «окружить Вэй, чтобы помочь Чжао», т.е. ‘дезориентировать врага, нанести неожиданный удар из тыла’
гидронимы		
потамонимы	<i>Wiele jeszcze wody w Wiśle upłynie</i> , букв. «много еще воды в Висле утечет»	大江东去 dà jiāng dōng qù, букв. «Янцзы течет на восток», т.е. ‘жизнь идет, не стоит на месте’
океанонимы	<i>Wszedł z Atlantyku, a dół się złowić we wiku</i> (даил. кашуб.), букв. «вышел из Атлантики, а попался в заливе», т.е. ‘наибольшая опасность подстерегает там, откуда меньше всего ее ожидаешь’	望远镜照太平洋 – 一望无涯 Wàngyuǎnjìng zhào tàipíngyáng – yīwàng wú yá, букв. «в бинокль увидеть Тихий океан – бесконечный простор»
пелагонимы	<i>Choć Baltyk przepłynął, może na Dunajcu utonąć</i> , букв. «хоть Балтику переплыл, может на Дунайце утонуть», т.е. ‘пройти через серьезные испытания, но пренебречь небольшими трудностями; у каждого своя судьба’	东海鲸波 Dōng hǎi jīng bō, букв. «волны Восточного моря», так говорят об агрессии с востока (под Восточным морем подразумевается Восточно-китайское море)
лимнонимы	<i>Odzywa się jak dzwon wornieński w Łukszcie</i> , букв. «отзывается, как ворненский колокол в озере Лукшта»	洞庭湖里涨春水 – 一浪高一浪 Dòngtíng hú lǐ zhǎng chūnshuǐ – yī làng gāo yī làng, букв. «в озере Дунтиху поднимаются весенние воды – одна волна выше другой», т.е. ‘приближается

		опасность'
названия водных каналов	—	太行山照见运粮河，远水不解近渴 Tàixíngshān zhào jiàn yùn liáng hé, yuǎn shuǐ bù jiě jìn kě, букв. «горы Тайханшань отражаются в Великом канале, далёкой водой не утолишь близкой жажды», т.е. 'помощь далека, а беда близка'
урбанонимы		
годонимы	<i>Dzika wprost Okólnika</i> , букв. «улица Дзика проходит вдоль улицы Окульник». <i>Dzika</i> и <i>Okólnik</i> – улицы Дзика, букв. «дикая», и Окульник, букв. «циркуляр» в Варшаве. В действительности данные улицы расположены очень далеко друг от друга	南京路上的霓虹灯 Nánjīnglù shàng de níhóngdēng, букв. «неоновые фонари на улицах Наньцзина – разноцветный, пестрый»
некронимы	<i>Pojechać na Rakowice</i> , букв. «поехать на Раковицы», т.е. 'умереть'. <i>Rakowice</i> – Раковицкое кладбище в Варшаве	—
больница для душевнобольных	<i>Frajer z Kulparkowa</i> , букв. «фраер из Кульпаркова», т.е. 'сумасшедший'. <i>Kulparków</i> – больница для душевнобольных под Львовом	—
оронимы	<i>Tak zakamieniały, jak Karpackie skały</i> , букв. «так закаменел, как Карпатские скалы»	捧土加泰山 pěng tǔ jiā Tàishān, букв. «досыпать пыли на Тайшане», т.е. 'выполнить бесполезную работу'
названия крупных сооружений	<i>Do Lipowca ku wszystkim bisum</i> , букв. «в Липовец ко всем чертям», Липовец – замок в Краковском воеводстве	自坏长城 zì huài cháng chéng, букв. «сломать Великую китайскую стену», т.е. 'самому себе навредить'
названия частей света и материков	<i>Znać, żeś wrócił z Afryki</i> , букв. «видно, ты из Африки вернулся», т.е. 'загорел'	冲出亚洲, 走向世界 Chōng chū Yàzhōu, zǒuxiàng shìjiè, букв. «выйти из Азии, идти к миру», т.е. 'достичь современного уровня, выйти на мировую арену'
названия	<i>Jak na Saharze</i> , букв. «как в Сахаре», т.е.	龙荒蛮甸 lóng huāng mán diàn, букв.

пустынь	‘очень жарко’	«север пустыни Гоби, пустынная полоса на севере», т.е. ‘далекие пустынные земли, государства других народов’
инсулонимы	<i>Gdzie Rzym, gdzie Krym</i> , букв. «где Рим, а где Крым», т.е. ‘где логика?’	—
этнонимы	<i>Anglik zmyśli, Francuz wykona, Niemiec udoskonali, a Polak przyjdzie, pochwali i kupi</i> , букв. «англичанин выдумает, француз изготовит, немец усовершенствует, а поляк придет, похвалит и купит»	广东人说北京话 – 南腔北调 Guǎngdōng rén shuō běijīng huà – nánqiāngběidiào, букв. «гуандунец говорит на пекинском диалекте», т.е. ‘говорить на смеси диалектов, говорить с акцентом’

В параграфе 2.2. «Классификация топонимов по отношению к местонахождению референта» предлагается классификация топонимов-компонентов польских и китайских ФЕ по отношению к местонахождению референта. В ходе анализа было установлено, что большинство топонимов и этнонимов номинируют отечественные реалии, при этом в китайском материале были зафиксированы онимы, номинирующие уже исчезнувшие объекты, что объясняется особенностями исторического развития китайского государства. В свою очередь польские ФЕ содержат топонимы, номинирующие объекты, некогда входившие в состав Польши, но после Второй мировой войны оказавшиеся на территории Украины и Белоруссии.

Исследование показало, что польские ФЕ содержат большое число онимов, номинирующих зарубежные реалии, а также библейские топонимы, что нехарактерно для китайского материала. Данный факт объясняется особенностями религиозных и культурных традиций Польши, ее историей, а также более тесными связями этого государства с другими странами. В свою очередь мифологические топонимы представлены и в польских, и в китайских ФЕ.

В параграфе 2.3. «Классификация польских и китайских ФЕ, содержащих топонимы и этнонимы» определяется предмет и объем фразеологии, рассматриваются основные свойства ФЕ, проводится анализ фразеологических концепций.

Несмотря на многочисленные и всесторонние исследования в области фразеологии в современном языкознании, проблемы определения сущности, универсальных признаков фразеологической единицы (ФЕ), а также их классификация остаются пока открытыми. Анализ теоретических исследований по фразеологии (Л.Ю. Буянова, П.П. Ветров, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, Е.К. Коваленко, А.-М. Левицкий, В.М. Мокиенко, С. Скорупка, В.Н. Телия, В. Хлебда,

Н.М. Шанский, М. Шимчак) показал, что к основным признакам исследователи относят устойчивость, под которой понимается относительное постоянство состава компонентов ФЕ, воспроизводимость, т.е. извлечение ФЕ из памяти в готовом виде, экспрессивность, а также переосмысление входящих в состав ФЕ компонентов.

В настоящее время в отечественном и зарубежном языкознании существует целый ряд различных классификаций ФЕ. Среди собранных в рамках данного исследования польских ФЕ мы выделяем *идиомы*, выступающие как целостные по номинативной и структурно-семантической организации знаки; *фразеологические сочетания*, в которых одно из имен всегда обладает самостоятельной денотативной соотнесенностью, а другое – указывает на свой денотат через посредство этого имени; *паремии* – пословицы и поговорки, составляющие основную часть собранных нами польских фразеологизмов; *клише* – формулы приветствия, вступления в разговор; *крылатые слова* или *цитации*.

Среди китайских ФЕ на основе традиционной классификации Ма Гофаня, выделяются готовые четырехсложные выражения *чэньюй*, чаще всего соотносимые с литературным, книжным языком и составляющие бóльшую часть собранных китайских топонимических фразеологизмов; разговорные пословицы и поговорки *яньюй* и *суюй*; недоговорки-иносказания *сехоуюй* и выражения с трехсложной структурой *гуаньюньюй*, построенные по нормам современного языка. Перечисленные разряды ФЕ относятся к различным языковым стилям, а потому изучение особенностей функционирования топонимов и этнонимов в рамках разных традиционных классов ФЕ представляет особый интерес.

В параграфе 2.4. «Фразеобразование. Переосмысление топонимического и этнонимического компонента в составе ФЕ» рассматриваются механизмы образования польских фразеологизмов, содержащих топонимы и этнонимы, на фоне соответствующего китайского материала. Являясь частью ФЕ, топонимы и этнонимы могут влиять на мотивацию фразеологического значения. Данное свойство онимов связано с тем, что многие из них не просто выполняют номинативную функцию, но обладают целым набором коннотаций, которые эксплицируются в рамках ФЕ. Как показывает анализ собранного материала, наиболее распространенными видами переосмысления являются сравнение и метафора (скрытое сравнение).

В ходе анализа было установлено, что в основе ФЕ-сравнений, содержащих топонимы и этнонимы, лежат такие признаки как 1) характер: *Chytry jak Litwin*, букв. «хитрый как литовец»; 安如泰山 ān rú Tàishān, букв. «неколебимый, как гора Тайшань», т.е. ‘надежный, постоянный’; 2) состояние здоровья, внешность, стиль в одежде: *Wystroił się jak Niemczyk*, букв. «нарядился как

немец» (о привычке немца одеваться аккуратно и элегантно); 福如东海长流水, 寿比南山不老松 Fú rú dōnghǎi cháng liúshuǐ, shòu bǐ nánshān bù lǎosōng, букв. «будьте счастливы как Восточное море, да будет Ваш возраст как Южные горы» - пожелание здоровья пожилым людям в Китае; 3) профессия и род деятельности: *Handluje jak Żyd*, букв. «торгует как еврей», т.е. ‘выгодно для себя’; 4) религиозная принадлежность: *Kiwa się jak Żyd nad Talmudem*, букв. «качается как еврей над Талмудом»; 5) форма и размер географического объекта: *Ma nos jak Łysa Góra*, букв. «у него нос, как Лысая гора», т.е. ‘крупный и горбатый’; 6) главная хозяйственная и промышленная отрасль населенного пункта: *Cebula jak w Bełżycach*, букв. «лук как в Белжицах», т.е. ‘хороший лук’, местечко Белжице славилось возделыванием лука; 7) культурное и религиозное значение: *To tak trudno, jak Częstochowy obronić*, букв. «это так же трудно, как защищать Ченстохову», т.е. ‘совсем не трудно’, поскольку Ченстохову, религиозную столицу Польши, защищает Божья Матерь; 8) уровень жизни региона: *Jak na Ukrainie*, букв. «как на Украине», т.е. ‘нет порядка’; кто сильнее, тот прав; 9) количество: *Tyla, co Szwedów*, букв. «столько, сколько шведов», т.е. ‘много’. ФЕ отсылает к вторжению шведов в Речь Посполитую в 1655 – 1660 гг., событию, вошедшему в историю под названием «шведский потоп»; 10) привычки, обычаи: *Ściskają się jak dziady w Golczy*, букв. «обнимаются, как нищие в Голче», Голча – местечко, в котором на ярмарку собиралось много нищих.

Метафорическое переосмысление – перенос наименования с одного денотата на другой на основе реального или воображаемого сходства – осуществляется на основе:

1) сходств черт характера: *Dobry człowiek, ale Mazur*, букв. «хороший человек, но мазур» (по умолчанию мазур в польской фразеологии – человек, обладающий целым набором негативных черт, своего рода отрицательный собирательный образ), ср. аналогичную коннотацию для *Niemiec* и *Żyd*: *I Niemcy są ludzie*, букв. «и немцы – люди»; *Nic nie szkodzi, że z Żydów pochodzi*, букв. «ничего страшного, что происходит из евреев». Среди качеств, которые вербализуются в этнонимах, содержащихся в составе ФЕ, стоит отметить а) льстивость: *Takiej łaski i u Żyda dostanie*, букв. «такую ласку и у еврея получишь», так говорят об отсутствии искренности; б) склонность к обману и надувательству, хитрость, ловкость: *porzuciwy Żyd*, букв. «порядочный еврей», т.е. ‘нечто невообразимое’; в) порядочность: *Wyszedł z Kozaka na łajdaka*, букв. «из казака получился негодяй».

2) Особенности географического положения, например а) пограничный характер объекта, причем граница эта может быть как географическая, так и культурная, ментальная: *Poszedł jak za Ukrainę*, букв. «пошел как за Украину», т.е. ‘долго не возвращается’. Во многих языках распространен фразеологизм *перейти Рубикон*, польск. *przejsć Rubikon*, букв. «сделать

бесповоротный шаг, совершить решительный поступок», ср. кит. 不敢越雷池一步 *bù gǎn yuè Léi chí yī bù*, букв. «не осмелиться перейти хотя бы на один шаг линию реки Лэйчи», т.е. ‘не решиться нарушить установленный порядок; не сметь выходить за рамки дозволенного’; б) пределы исключительно «своего»: *Od Warszawy do Krakowa zawsze bieda jednakowa*, букв. «от Варшавы до Кракова всегда бедность одинакова», – топонимы *Варшава* и *Краков* являются своеобразными границами Польши: ср. кит. 从南京到北京, 买的没有卖的精 *Cóng Nánjīng dào Běijīng, mǎi de méiyǒu mǎi de jīng*, букв. «(езде) от Наньцзина до Пекина покупка не так хороша, как товар»; в) разное географическое положение: зачастую в топонимических фразеологизмах со значением маршрута для создания комического эффекта используются географические объекты, расположенные в разных направлениях, напр. *A to droga jak na Baldrzychów do Rzymu*, букв. «а это дорога как на Балджихув до Рима»; ср. кит. 燕驾越毂 *yàn jià yuè gū*, букв. «экипаж Йэнь и телега Юэ», т.е. ‘совмещать несовместимое’, поскольку царства Йэнь и Юэ находились в разных концах Китая.

3) Особенности социального, экономического и культурного значения географического объекта: а) неблагополучие, низкий статус и непрестижность географического объекта, в частности, населенного пункта: *To tu prawdziwa Besarabia*, букв. «тут настоящая Бессарабия», т.е. ‘беззаконие’; 冲出亚洲, 走向世界 *Chōng chū yàzhōu, zǒuxiàng shìjiè*, букв. «выйти из Азии (достичь современного уровня), идти к миру (выйти на мировую арену)»; б) большое значение в культуре, истории, образовании и общественной жизни: *Nie od razu Kraków zbudowano*, букв. «Краков не сразу строился», т.е. ‘всякое большое дело начинается с малого’; 不识泰山 *bù shí Tàishān*, букв. «не знать гору Тайшань», т.е. ‘не знать чего-то важного, значимого’; в) особенности хозяйственного уклада и промышленности населенного объекта; назначение отдельных его районов, учреждений: *Wozì żyto na Zawisze*, букв. «возит жито в Завислье», т.е. ‘занимается бессмысленным делом’, поскольку Завислье было известно своими плодородными полями; 关帝庙里求娃娃, 不看对象 *Guān dì miào liqíú wáwá, bù kàn duìxiàng*, букв. «в монастыре Гуань Ди молить о ребенке, не думать о собеседнике», т.е. ‘обращаться за помощью не к тому человеку’. Монастырь служил местом жертвоприношения Гуань Юй (военачальнику царства Шу эпохи Троецарствия); г) особенности климата географического объекта: *Znać, żeś wrócił z Afryki*, букв. «видно, что он вернулся из Африки», т.е. ‘загорел’. *Африка* при этом – символ жаркого солнечного края; 洞庭湖里的麻雀, букв. «воробей озера Дунтиху», т.е. ‘смелый, храбрый человек, переживший много невзгод’. В основе фразеологизма – суровый характер озера, над которым дуют сильные холодные

ветра; д) свойства географического объекта, в том числе его размеры, глубина, красота: *Kraść piasek od Wisły*, букв. «красть песок у Вислы», т.е. ‘заниматься бессмысленным делом’; ср. 恒河沙数 Héng hé shā shù, букв. «числом равный песчинкам на берегах Ганга», т.е. ‘бесчисленный, бессчётный’.

Анализ показал, что топонимы или этнонимы могут включаться в состав ФЕ на основании прямого лексического значения производящей основы онима. В основе ФЕ с подобными топонимами лежит игра слов, а также каламбур, который подразумевает использование в контексте разных значений одного и того же слова или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию: *To pan Czystochowa*, букв. «а это пан Ченстохова» (от польск. *często chowa* – часто прячет), т.е. ‘жадный человек’; *Pod Babą leżał*, букв. «под Бабой лежал». Баба – название мыса, при котором 31 мая 1828 года произошло крупное сражение между греческой и османской флотилиями; 凤凰山上没凤凰, букв. «на горе Фенхуаншань нет птицы феникс» (в китайском "фэнхуан" – феникс); т.е. ‘незаслуженно называться; сохранять лишь видимость’.

Таким образом, в рамках ФЕ топонимы и этнонимы перестают просто идентифицировать и индивидуализировать определенный географический объект и группу людей, а, будучи своеобразными хранителями информации, становятся средствами выражения типичных черт, характеристик и особенностей денотата, реализуя свою аккумуляционную функцию.

В параграфе 2.5. «Топонимические и этнонимические ФЕ как средства выражения национальных стереотипных представлений» устанавливается важное значение польских фразеологизмов, содержащих топонимы и этнонимы, в хранении и выражении национальных стереотипов. В настоящей работе под стереотипом вслед за Е. Бартминьским мы понимаем субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей. Основанием появления национальных стереотипов, а также стереотипов о жителях определенных регионов или городов, могли стать особенности культуры, традиций, вероисповедания, социальной и хозяйственной жизни, а также внешность, привычки и характер представителей определенной этнической группы. Ввиду многочисленности собранных топонимических и этнонимических ФЕ, мы останавливаемся на самых распространенных стереотипах, зафиксированных в материале – стереотипах о поляках и Польше, евреях, цыганах, немцах, украинцах и Украине, а также русских и России. Данный анализ удалось произвести только на основе польского материала без сопоставления с китайскими ФЕ, в которых отсутствуют этнонимы, номинирующие жителей других государств, хотя в китайском языке

содержатся прозвищные наименования самих государств (ср. 泡菜国 *pàocài guó*, букв. «страна кимчи» – Южная Корея, 袋鼠国 *dàishǔ guó*, букв. «страна кенгуру» – Австралия, 枫叶国 *fēngyè guó*, букв. «страна кленового листа» – Канада, 毛子国 *máozi guó*, букв. «страна волосатых» – Россия и др.). Поскольку собранный польский материал состоит в основном из ФЕ, зафиксированных в XIX в. и даже раньше, полученные в ходе анализа фразеологизмов данные мы сравнили с результатами недавних социологических исследований, а также поисковыми подсказками сайта *google.pl*. Данные подсказки нельзя однозначно приравнивать к стереотипам, тем не менее, они дают представление о наиболее популярных вопросах польскоязычных интернет-пользователей о представителях той или иной национальности. Для анализа материала в интернет-поисковике мы использовали следующие алгоритмы: 1) *X to*, букв. ‘X – это’, где X – этноним или топоним; 2) *czy X*, букв. ‘является ли X’, где X – этноним или топоним; 3) *dlaczego X*, букв. ‘почему X’, где X – этноним или топоним; 4) *jak X*, букв. ‘как X’, где X – этноним или топоним; 5) *gdzie X*, букв. ‘где X’, где X – этноним или топоним; 6) *ile (ilu) X*, букв. ‘сколько X’, где X – этноним или топоним; 7) *kiedy X*, букв. ‘когда X’, где X – этноним или топоним. При поиске мы использовали не только официальные, но и прозвищные наименования.

Польские ФЕ, содержащие хоронимы *Polska* ‘Польша’, *Rzeczpospolita* ‘Речь Посполитая’ и *Korona* ‘Корона’ (Королевство польское), а также этнонимы *Polak* ‘поляк’, *Lach* ‘лях’, диал. *Polok* ‘поляк’ составляют одну из наиболее многочисленных групп (171 ФЕ) и выражают автостереотипы, т.е. представления поляков о самих себе. В составе ФЕ поляков отличает воинственность: *Co Polak, to rycerz*, букв. «что ни поляк, то рыцарь»; независимость: *Polak karku nie uginie*, букв. «поляк не поклонится»; неспособность договориться: *Gdzie dwóch Polaków, tam trzy strony*, букв. «где двое поляков, там три мнения»; амбициозность: *Każdy Polak rodzi się do korony*, букв. «каждый поляк рождается для короны», склонность к употреблению алкоголя: *Pijany jak Polak*, букв. «пьяный как поляк», непостоянство: *U Polaków zapal słomiany*, букв. «у поляков запал соломенный», патриотизм: *Dobra Francja, chwalebna Hiszpania, bogate Niemcy, ale najlepsza Polska*, «хороша Франция, приятна Испания, богата Германия, но лучше всего Польша»; превосходство над другими нациями: *Czego się inny uczyć musi, z tym się Polak rodzi*, букв. «чему другие должны учиться, с тем поляки рождаются»; откровенность: *U Polaka: co w sercu, to i na języku*, букв. «у поляка что на сердце, то на языке»; верность себе: *Polak zawsze Polakiem*, букв. «поляк всегда остается поляком».

Материал фразеологии дополняется данными, полученными в ходе социологических исследований и анализа поисковых запросов.

Гетеростереотипы – представления о других национальностях – также находят отражение в польских этнонимических фразеологизмах. В качестве примера рассмотрим ФЕ с этнонимами *Rusin, Chochlak i Kozak* (60 ФЕ). Данные термины традиционно употреблялись для обозначения украинцев. В польской фразеологии распространено представление об украинцах как о людях веселых и жизнерадостных: *A to kozak*, букв. «вот так казак», т.е. ‘жизнерадостный, храбрый’. Им свойственна музыкальность: *Chochlak do śpiewania, Polak do opowiadania*, букв. «хохол для песни, поляк для рассказа [пригодится]». При этом, согласно фразеологии, украинцы отличаются скрытностью и неразговорчивостью: *Kozak wie wszystko, a milczy; dopytywać go, to rzeszotem wodę czerpać*, букв. «казак все знает, да молчит; спрашивать его – что решотом воду черпать». Свойственна им также хитрость и упрямство: *Chytr jak Rusin*, букв. «хитр как русин». При этом множество ФЕ свидетельствует о смелости, отваге и мужестве украинцев: *Nie bądź takim Kozakiem*, букв. «не будь таким казаком», т.е. ‘не хвастайся’. Кроме того, польские паремии свидетельствуют о злости, опасности и враждебности, исходящей от русинов: *Rusin z czarnym podniebieniem*, букв. «русин с черным небом», т.е. ‘злой и опасный’.

Как и в случае автостереотипа, гетеростереотип *Rusin, Chochlak, Kozak*, как и другие гетеростереотипы, представленные во фразеологии, дополняют данные социологических исследований и поисковых запросов.

Параграф 2.6. «Лексические и стилистические особенности топонимов и этнонимов в составе ФЕ» посвящен свойствам топонимов и этнонимов, проявляющимся в составе ФЕ. Так, в составе фразеологизмов топонимы и этнонимы могут употребляться в качестве синонимов для описания одного и того же явления и взаимозаменяться: *Chytry jak Wloch*, букв. «хитрый, как итальянец», ср. *Chytry jak Litwin*, букв. «хитрый, как литовец»; 黄河后浪赶前浪 *Huánghé hòulàng gǎn qiánlàng*, букв. «в Хуанхэ одна волна подгоняет вторую», т.е. ‘молодое поколение сменяет старое’. Ср.: 长江后浪推前浪 *Chángjiāng hòulàng tuī qiánlàng*, букв. «волны реки Чанцзян накатывают друг на друга». Топонимы и этнонимы, содержащиеся во фразеологии, также могут противопоставляться по целому ряду признаков, вступая тем самым в отношения ситуативной антонимии, обычно топонимам и этнонимам не свойственной: *Strachy na Lachy, a Rusin niczego się nie boi*, букв. «страхи ляхам, а русин ничего не боится», в данном случае в основе противопоставления лежат представления о чертах представителей разных народов, а именно о боязливости и смелости; 楚汉相争, 寸步不让 *Chǔ Hàn xiāng zhēng, cùn bù bù ràng*, букв. «царства Чу и Хань противостоят друг другу, нисколько [друг другу] не уступят».

Помимо лексических, стоит отметить также определенные грамматические свойства польских этнонимов в составе ФЕ. Так, в примерах отсутствует лично-мужская форма И.п. мн.ч. и В.п. мн.ч. существительного, что может свидетельствовать как о региональном характере ФЕ, так и о пейоративной «деперсонализации».

В главе 3 «Особенности ФЕ, содержащих топонимические и этнонимические компоненты», рассматривается своеобразие польских ФЕ с топонимами и этнонимами на фоне соответствующего материала китайского языка. **В параграфе 3.1.** предлагается семантическая классификация польских и китайских ФЕ, содержащих топонимы и этнонимы. В ходе проведенного анализа удалось установить, что ФЕ, содержащие топонимы и этнонимы в этих языках, характеризуют:

1) человека: а) внешность и физические свойства, в том числе состояние здоровья: *[Je] Jy w czorpe jak Żyd*, букв. «как еврей в шапке»; *Patrzy na Powązki*, букв. «смотрит на Повонзки»; т.е. «находится при смерти»; 燕赵 Yàn Zhào, букв. «царства Янь и Чжао», т.е. «красивые женщины»; б) характер, умственные и психические свойства: *Pochodzi ze Stupi*, (*gdzie ludzie głupi*), букв. «он родился в Слупе, где люди глупые»; 洞庭湖里的鸭子 Dòngtíng Hú lǐ de, букв. «утки Дунтинху», так говорят о бесцеремонном человеке; в) опыт и привычки: *Bywał on widać w Bywalicach*, букв. «бывал он, видно, в Бывалицах», т.е. «видывал виды»; 洞庭湖里的麻雀 Dòngtíng Hú lǐ de máquè, букв. «воробьи Дунтинху», т.е. «стреляный воробей»; г) социальные признаки (уровень благосостояния, вероисповедание, род деятельности и хобби): *Podhalanin żyje powietrzem, wodą i głodem*, букв. «подгалинин живет (питается) воздухом, водой и голодом»; *Co Polak to katolik*, букв. «что ни поляк, то католик»; *Co Polak, to starosta, co Niemiec, to kupiec*, букв. «что ни поляк, то староста, что ни немец, то купец»; *Gdzie Słowianin, tam i pieśń*, букв. «где славянин, там песня».

2) Географические объекты: а) расположение: *Gdańsk – koniec państw*, букв. «Гданьск – конец государств»; 楚尾吴头 Chǔ wěi Wú tóu, букв. «хвост Чу и голова У», так говорят о расположении провинции Цзянси; б) хозяйственные особенности и экономическое состояние: *Poszła bieda do Warszawy i tam nie ma wielkiej sławy*, букв. «пошла нужда в Варшаву и там не обрела большой славы»; 关东城, 有三宝: 人参貂皮靴草 Guāndōngchéng yǒu sān bǎo: rénshēn, diāopí, wù lācǎo (关东 Guāndōng – город Гуаньдун), букв. «в Гуаньдуне 3 сокровища: женьшень, соболий мех, пушица²»; в) красоту региона: *Zobaczyć Neapol, a potem umrzeć*, букв. «увидеть Неаполь и умереть»;

² Пушица – многолетнее растение семейства *Осоковые*.

上有天堂，下有**苏杭** shàng yǒu tiāntǎng, xià yǒu Sū Háng (苏 Sū- город Сучжоу, 杭 Háng – город Ханчжоу), букв. «на небе – рай, на земле – Ханчжоу и Сучжоу».

3) Предмет: а) по качеству: *Złoto z Rzeszowa*, букв. «золото из Жешова», т.е. ‘фальшивое, поддельное золото’; б) по размеру: *Wielki, jak rynek w Bogoryji*, букв. «большой, как рынок в Богорьи»; т.е. ‘большой’; 太平洋里一滴水 Tàipíngyáng līyīdīshuǐ, букв. «капля в Тихом океане»; т.е. ‘ничтожный’; в) по количеству: *Jak kawek na Podlasiu*, букв. «как галок в Подлясье», т.е. ‘много’; 长江的出口 Chángjiāng de chūkǒu, букв. «устье Янцзы», т. е. очень много.

4) Поступки и события: *Szuka wody w Wiśle*, букв. «искать воду в Висле», т.е. ‘совершать глупые поступки’; 黄河泛滥 Huánghé fàn làn (黄河 Huánghé – река Хуанхэ), букв. «река Хуанхэ разлилась», т.е. ‘случилось бедствие’.

5) В польском материале была отмечена ФЕ, выполняющая роль приметы: *Jeżeli mgła idzie od góry na Giewoncie, to tego dnia pewni deszczu będącie*, букв. «если с Гевонта спускается мгла, то в этот день будет дождь»; Гевонт – одна из вершин Татр.

Параграф 3.2. «Происхождение польских и китайских фразеологизмов, содержащих топонимы и этнонимы» посвящен источникам происхождения топонимических и этнонимических ФЕ. К ним относятся литературные произведения и философские трактаты, мифы и легенды, реальные исторические события. Особенностью польского материала является наличие библеизмов, т.е. фразеологизмов библейского происхождения. Библеизмы составляют общую часть фразеологического фонда многих языков. Польская культура, будучи частью культуры европейской, переняла соответствующие ценности, а вслед за ней и язык обогатился библейскими ФЕ, среди которых есть и содержащие топонимы: *Wieża Babel*, букв. «Вавилонская башня», *Plakać nad rzekami Babilonu*, букв. «плакать над вавилонскими реками». Еще одной особенностью польского материала является то, что источником ряда польских топонимических и этнонимических ФЕ послужили песни, шутки и анекдоты, т.е. фольклорные тексты: *Wielkopolan nie schyla się do cudzych kolan*, букв. «велькополянин не склоняется к чужим ногам» (фрагмент народной песни); *Przyczepił się jak Niemiec do nieba*, букв. «прицепился как немец к небу» (фрагмент народной песни). Отсутствие же подобных единиц в китайском материале может быть связано с преимущественно литературным характером происхождения китайских фразеологизмов.

В параграфе 3.3. «Моделируемость и вариативность» анализируются различные структурно-семантические модели польских топонимических и этнонимических ФЕ на фоне соответствующего китайского материала. Поскольку долгое время основным свойством ФЕ

считалась формальная и семантическая иррегулярность (Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, О.И. Москальская), явление моделируемости было неприменимо к фразеологии. Однако в настоящее время многие лингвисты признают факт моделируемости ФЕ (Ю.Я. Бурмистрович, С.Г. Гаврина, В.М. Мокиенко, Л.И. Ройзензон). Фразеологизмам, содержащим в своем составе топонимы и этнонимы, также свойственна моделируемость структуры. В результате исследования собранного материала были выявлены 4 группы моделей образования ФЕ польского языка: 1) модели словосочетаний, наиболее распространенными из которых являются сочетания существительного, обозначающего человека, с несогласованным определением, выраженным сочетанием предлога *z* с топонимом, номинирующим населенный пункт или географический объект: *Wujaszek (ciocia) z Ameryki*, букв. «дядюшка (тетя) из Америки», т.е. «богатый родственник»; *Uroda z Babca*, букв. «красота из Бабца», т.е. «некрасивая девушка». В данной группе также стоит выделить модели словосочетаний со сравнительными оборотами: *Cebula jak w Belżycach*, букв. «лук как в Белжицах», т.е. «хороший лук»; *Ubrała się jak bilgorajka*, букв. «оделась как билгорайка», т.е. «безвкусно оделась»; 2) модели простых предложений, свойственные большому числу собранных в ходе исследования пословиц и поговорок: *Pożyczył butów do Częstochowy*, букв. «одолжил обувь до Ченстоховы», т.е. «бедный человек», *Przenica pańska płynie do Gdańska*, букв. «господская пшеница плывет в Гданьск»; 3) модели сложных предложений, самой продуктивной из которых является структура «и в N...» во второй части, где N – любой город: *Kto w domu lotr z natury, takiż i w Rzymie będzie*, букв. «кто дома по природе своей подлец, тот и в Риме останется таким же»; 4) ФЕ – мини-диалоги: *A skądś ty? – z Wielkopolski; jak się zowiesz? – Odrzychłopski; [z] kruka ojca, matki wrony, jestem ślachcic urodzony*. Букв. «– А откуда ты? – Из Велькопольши; а как звать-то? – Оджихлопски; отец – ворон, мать – ворона, а сам я шляхтич урожденный».

В китайском языке ФЕ изначально ограничены определенным традиционным набором синтаксических структур. Так, чэньюй чаще всего состоит из четырех морфем. При этом различают чэньюй параллельной и непараллельной конструкции, что обуславливается грамматической, семантической или фонетической парностью его компонентов. Особенностью синтаксиса китайских пословиц-поговорок яньюй и суюй является то, что они функционируют в качестве предложения, причем зачастую обобщенно-личного. «Недоговорки-иносказания» сехоуэй состоят из двух частей, первая из которых представляет собой иносказание, а вторая – раскрытие иносказания. Наконец, «привычные выражения» гуаньюньюй состоят из трёх слогоморфем и по грамматической структуре гуаньюньюй может представлять словосочетание

или предложение, но в обоих случаях по синтаксической функции он эквивалентен слову, то есть является членом предложения.

Моделируемость ФЕ отчетливо обнаруживается в явлениях вариативности и синонимии. Варьирование – довольно сложная и многоаспектная организация фразеологизмов, включающая в себя набор формальных и содержательных характеристик. В собранном нами материале мы обнаружили несколько примеров замещения топонимических/оттопонимических компонентов в составе ФЕ. Подстановка или опущение перечисленных топонимов не влияет на значение фразеологизма несмотря на то, что именно они являются центром его создания. Это возможно благодаря тому, что замещающие и замещаемые топонимы обладают тождественными коннотациями, актуализируемыми в рамках одного и того же фразеологизма: *Kto ma Bejsce, Podolany, może siadać między pany*, букв. «у кого Бейсце, Подоланы, тот может садиться с господами»; ср.: *Kto ma Tęczyn, Mogilany, Bejsce, Podolany, może siadać między pany*, букв. «у кого Тенчин, Могиляны, Бейсцы и Подоляны, может садиться с господами»; 北轅适粵 *běi yuán shì Yuè*, букв. «северный экипаж только что прибыл в Гуандун», т.е. ‘не соответствовать назначению’, ср.: 北轅适楚 *běi yuán shì Chǔ*, букв. «северный экипаж только что прибыл в Чу», т.е. ‘не соответствовать назначению’.

Продемонстрированные примеры наглядно демонстрируют тот факт, что варьированию, как правилу, подвергается план выражения, в то время как план содержания остается неизменным.

В Заключении приводятся выводы диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований в данной научной области. Проведенный анализ польских фразеологических единиц с топонимическими и этнонимическими компонентами на фоне соответствующего материала китайского языка позволяет сформулировать следующие положения: 1) топоним как компонент ФЕ не только выполняет номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую функции, свойственные онима́м, но и способен выражать коннотативное содержание; 2) топонимы и этнонимы участвуют в формировании значения ФЕ и зачастую являются ядром, вокруг которого это значение формируется; 3) топонимы и этнонимы как компоненты ФЕ обладают спецификой с лингвокультурологической точки зрения, сохраняя информацию об определенных географических объектах и народах; 4) топонимы и этнонимы являются центральными элементами ФЕ, отражающих национальные стереотипы; 5) топонимы в составе ФЕ могут отличаться нехарактерными для них как класса ИС грамматическими, стилистическими и синтаксическими свойствами; 6) топонимы и этнонимы как компоненты ФЕ

могут вступать в отношения синонимии и антонимии, а также обладать многозначностью, что несвойственно для них вне рамок ФЕ.

Кроме того, в ходе сопоставительного анализа было установлено, что географические особенности, культура, история, уровень развития международных контактов обусловил количественные различия и частотность употребления этнонимов и определенных классов топонимов в польской и китайской фразеологии.

Тем не в типологически различающихся польском и китайском языках были установлены общие семантические классы фразеологизмов: характеризующие человека, его поступки, социальные признаки, например, опыт, навыки, отношения с другими людьми, материальное благосостояние и уровень жизни; характеризующие местность; предмет и события. Общие черты были отмечены и в функционировании топонимов и этнонимов в составе польских и китайских ФЕ. Так, и в польском, и в китайском языках встречаются одинаковые классы топонимов: гидронимы (пелагонимы, потамонимы), оронимы, ойконимы (хоронимы, астионимы, комонимы), урбанонимы – при отсутствии в польских фразеологизмах зафиксированных в китайских источниках океанонимов, лимнонимов, космонимов, названий пустынь и парков. В китайском же материале отсутствуют инсулонимы, названия материков и континентов, кладбищ, городских учреждений. И в польской, и в китайской фразеологии можно выделить топонимы, номинирующие отечественные, зарубежные реалии, а также мифологические объекты. При этом состав онимов, номинирующих зарубежные объекты в польском языке, намного объемнее и разнообразнее, нежели в китайском.

Перспективы исследования видятся в расширении анализируемого материала за счет привлечения личных имен и других классов онимов, содержащихся во фразеологизмах. ИС также зачастую входят в состав других микротекстов, которые могут стать объектом дальнейшего исследования специфики вторичного использования ИС.

Работы, опубликованные автором по теме диссертации

В изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

Спалек О.Н. Национальные стереотипы в свете польской фразеологии и современных социологических исследований // *Litera*, 2018. – №1. – С. 91-99. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_25593.html . Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,430.

Спалек О.Н. Хоронимы и ойконимы в китайской фразеологии // *Litera*, 2018. – №4. – С. 138 - 144. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-notabene.ru/fil/article_27880.html. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,430.

Спалек О.Н. Особенности функционирования комонимов и астионимов в польской фразеологии // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*, 2019. – № 3. – С. 107 –118. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,402.

Спалек О.Н. Лингвокультурный образ городов в польских фразеологизмах с компонентами-астионимами, урбанонимами и этнонимами // *Litera*. – 2019. – № 6. – С. 1-11. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31125. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,430.

В других изданиях:

Зубкова О.Н. Концепт "свой-чужой" в польских и китайских фразеологизмах, содержащих топонимы и этнонимы // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013»*. – М.: МАКС Пресс, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2308.htm.

Зубкова О.Н. Функционирование топонимов во фразеологии польского и русского языков // *Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: VI Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеса Гончара, 22–23 апреля 2013 г.): материалы*. – Д.: Нова ідеологія, 2013. – С. 110-111.

Зубкова О.Н. Особенности функционирования ойконимов в польской фразеологии // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы международной научной конференции*. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С: 116-118.

Зубкова О.Н. Особенности функционирования топонимов в пространстве китайской фразеологии // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014»*. – М.: МАКС Пресс, 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2489/2200_34913_791e34.pdf.

Зубкова О.Н. Особенности функционирования топонима 泰山 Тайшань в китайской фразеологии // *Человеческий капитал*, 2014. – №1. – С. 46-50. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,284.

Зубкова О.Н. Этнонимы в поговорках польского языка // *Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры "Славянский мир: общность и многообразие"*, 20–21 мая 2014 г. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – С. 23.

Зубкова О.Н. Оппозиция «свой – чужой» в польских и китайских топонимических фразеологизмах // Научное мнение, 2014. – №5. – С. 104-109. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,117.

Ананьева Н.Е., Зубкова О.Н. Особенности функционирования этнонимов в польской фразеологии // Научное мнение, 2014. – №6. – С. 11-15. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,117.

Спалек О.Н. Гидронимы в польской фразеологии // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 23–24 мая 2017 г. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 71 - 73.

Спалек О.Н. Гидронимы в китайской фразеологии // Балтийский гуманитарный журнал, 2017. – №4.– С. 194-196. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 1,036.

Спалек О.Н. Астионимы в пространстве польской фразеологии // Сборник статей XIII международной научно-практической конференции, часть II. – М.: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2017. – С.21 – 23.

Спалек О.Н. «Русский, немец и поляк»: польские национальные стереотипы в прошлом и настоящем // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета, 28–29 ноября 2018 г. – М.: Макс Пресс, 2018. – С. 294-297.